

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Шульги Даниила Петровича
«Археологические культуры Северного Китая в раннем железном
веке», представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности
07.00.06 – Археология**

Представленное диссертационное сочинение Даниила Петровича Шульги посвящено сложной, малоисследованной в отечественной историографии проблематике – археологическому изучению культур Северного Китая раннего железного века. Актуальность выбранной темы обусловлена, прежде всего, слабым знакомством российских исследователей с результатами изучения древних культур Северного Китая, полученных китайскими учеными. Между тем, изучение археологических источников Северного Китая имеют огромное значение для рассмотрения этнокультурных процессов в Южной Сибири и Центральной Азии. Особенно это актуально для скифологии, которая является одним из центральных направлений отечественного и зарубежного кочевниковедения. В этой связи выбор тематики Даниилом Петровичем Шульгой вполне оправдан и актуален. Знакомство российских ученых с результатами исследования китайских коллег в области изучения древних культур Китая может иметь серьезное значение для изучения, как культур скифского круга, так и феномена номадизма в целом.

Работа подготовлена в соответствии с авторским взглядом на происходящие исторические процессы в древности и исходя из особенностей понимания научного изучения археологических и письменных источников. Работа структурирована в соответствии с логикой изложения материала и поставленными задачами. Во введении присутствуют почти все необходимые компоненты в этой части диссертации, за исключением практической значимости работы. Основное содержание работы последовательно и в целом логично представлено в трех главах, в которых дается анализ основных археологических культур Северного Китая скифской эпохи (культура шацзин, культура янван, культура маоцингоу), характеризуется специфика хозяйственной, социально-политической жизни и искусство кочевников. Д.П. Шульга анализирует публикации китайских ученых, в которых содержится информация о различных древних культурах Северного Китая, существовавших преимущественно в скифскую эпоху. В дополнение к археологическим материалам привлекаются данные китайских письменных источников эпохи поздней древности, а также этнографические материалы по кочевым народам Центральной Азии. Соискатель прекрасно знает китайскую историографию по выбранной теме, поскольку самостоятельно владеет китайским языком. Это позволило Д.П. Шульге подготовить интересную и

значимую для науки работу. Текст диссертации написан научным языком, значительная часть положений и выводов автора представляются аргументированными и значимыми.

В тоже время следовало бы обратить внимание на хронологические рамки исследования. В названии работы они определены как ранний железный век, который включает в себя, как известно, два крупных хронологических отрезка – скифскую эпоху и гунно-сарматское время¹. Однако в обосновании хронологических рамок диссертации, да и в самой работе речь идет именно о скифской эпохе, точнее даже о VI-III вв. до н.э. (либо кон. VII-III вв. до н.э.) (с. 6). В результате просматривается определенное несоответствие заявленной темы работы более узкой в хронологическом отношении содержательной части.

Территориальные рамки диссертации не вызывают никаких сомнений и в ней прекрасно продемонстрировано соискателем знание исторической географии. Достаточно обоснованной выглядит новизна работы и положения, выносимые на защиту. Систематизация результатов раскопок китайскими учеными памятников разных культур Северного Китая, а также сравнительно-историческое рассмотрение артефактов, реконструкция этнокультурных, социально-политических, экономических и отчасти мировоззренческих процессов, представляет несомненное значение для российской науки.

Общая характеристика источников и историография проблематики представлена Д.П. Шульгой в отдельной первой главе. Очевидно, по этой причине во введении просто кратко упоминаются группы источников: археологические, музейные коллекции, письменные свидетельства античных авторов, религиозно-философские и этнографические источники. Между тем в этой части можно было бы конкретизировать в каких музеях КНР была проведена работа с музейными коллекциями, артефакты из какого количества погребений (или могильников) учитывали при подготовке диссертации и т.п. Не конкретизировано также какого характера информация и по каким народам привлекались этнографические данные. И если в первой главе дается подробный анализ археологических и китайских письменных источников, то по этнографическим материалам в ней никаких данных не приводится.

Не достаточно проработанным представляется методология и методика исследования, что в определенной степени сказалось на диссертационной работе в целом. Методология предполагает совокупность исходных теоретических принципов, которые кладутся в основу исследования.

¹ Некоторые современные исследователи, например, А.А. Тишкина, для Центральной Азии предлагает использовать вместо термина «гунно-сарматское время» понятие «хуннуско-сяньбийско-жужанский период», обозначенный по наименованию трех крупнейших кочевых империй данного региона (Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007).

Соискатель в качестве такой избрал исторический материализм, что вполне допустимо. Однако в данном случае следовало бы конкретизировать принципы исторического материализма, которые важны в качестве теоретического базиса для археологического изучения культур Северного Китая. Вместо этого Д.П. Шульга просто отсылает к работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Тем более, что в советской археологии такая методология была хорошо обоснована целой плеядой выдающихся ученых - В.Ф. Генинг, В.М. Массон, Е.П. Бунятян и др.², что подробно также представлено и в историографических работах.³ В конце XX – начале XXI в. марксистское направление также сохранило определенные позиции. В зарубежной науке в основном оно представлено разными неомарксистскими концепциями, а также влиятельной ролью марксизма в мир-системных разработках и фундаментальных исследованиях по мировой и глобальной истории. В отечественной науке этот спектр даже шире, что, прежде всего, связано с приверженностью ряда авторов к каноническим основам советского марксизма (особенно в терминологии). Однако ведущая роль в постсоветских теоретических изысканиях принадлежит ученым, стремящимся синтезировать творческий подход к марксистской теории с достижениями других направлений⁴.

В диссертации есть также указание (ст. 8) на то, что при «выработке единой методологии и методики реконструкций» использовались разработки В.А. Генинга, структуралистский подход К. Леви-Стросса, Ю.М. Лотмана, а также разработки в области современной «марксистской науки». При этом работы упомянутых авторов, как и Ф. Энгельса, отсутствуют в списке литературы. В тексте диссертации также есть указания на мнения отдельных ученых, но не приводятся ссылки и сами работы в списке литературы (например, на стр. 137 упоминается концепция В.И. Абаева, но нет ни ссылки, ни самой работы в списке литературы).

В данном случае следовало бы более четко проработать методологические основы и методику исследования. Тем более, что в работе

² Массон В.М. Экономика и общественный строй древних обществ. М., 1976; Генинг В.Ф. Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1982; Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев, 1989; Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (по материалам скифских могильников IV-III вв. до н.э. Киев, 1985; и др.

³ Пряхин А.Д. История советской археологии (1917- середина 1930-х гг.). Воронеж, 1983; Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб., 1993; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971. СПб., 1992; Васютин С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии. Автореферат дис. ... к.и.н. Барнаул, 1998.; и др.

⁴ В качестве примера отметим работу И.М. Дьяконова «Пути истории» (1994), который предложил собственную формационную концепцию. Сохранив линейное видение исторического развития, этот ученый выделил восемь последовательных фаз общественной эволюции: 1) первобытную; 2) первобытнообщинную; 3) раннюю древность; 4) имперскую древность; 5) средневековье; 6) стабильно-абсолютистское постсредневековье; 7) капиталистическую; 8) посткапиталистическую. Среди факторов перехода от одной фазы к другой исследователь выделял технологические изменения (особенно появление новых видов оружия) и состояние социально-психологических процессов (смену ценностных ориентиров). Кочевничество как социально-историческое явление И.М. Дьяконов отнес к четвертой и пятой фазам, отмечая, что в их рамках номады «шли совершенно особым путем».

отдельные проблемы исследуются, например, в рамках цивилизационного подхода. Кроме того, поднимаются вопросы социо- и политогенеза кочевников, в т.ч. в аспекте изучения этих процессов с опорой на археологические источники в отношении древнего скотоводческого населения Северного Китая. А в этом отношении современная наука, как в теоретическом, так и в историческом контексте продвинулась достаточно далеко (см. историографический анализ и теоретические разработки по обозначенным проблемам в публикациях Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, С.А. Васютина, Г.Г. Пикова и др.)⁵. В результате в методологическом отношении работа выглядит несколько эклектично, а не системно.

В методической части работы тоже присутствуют определенные недоработки. Вне всякого сомнения соискатель знаком с основами методики археологических исследований на разных уровнях, с общеисторическими методами, особенностями источниковедческого анализа древних письменных источников и т.д. Однако во введение работы характеристика методов просто отсутствует.

В первой главе автор дает анализ археологическим и письменным китайским источникам, а также научной литературе по теме работы. Особенно нужно отметить успешную источниковедческую характеристику различных китайских письменных источников. Отдельный параграф посвящен изучению историографии проблемы. В нем соискатель блестяще продемонстрировал знание не только отечественной, но китайской историографии по теме работы. Правда вне поля зрения автора оказался ряд российских публикаций последних лет, в которых представлены результаты изучения китайского импорта из курганах эпохи поздней древности Алтая⁶. Кроме того, в конце первой главы было бы логично увидеть общий вывод относительно информативности привлекаемых источников и степени изученности темы в российской и китайской историографии, который, к сожалению, отсутствует.

Вторая глава посвящена описанию погребального обряда, различных категорий инвентаря и датировке объектов культуры шацзин, культуры

⁵ Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007; Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути в цивилизацию М., 2000.; Васютин С.А. Типология постарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных отношений в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009

⁶ Новикова О. Г., Степанова Е. В., Хаврин С. В. Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. №1(7). С. 112 – 124; Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибэ (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. С. 196-200; Дашковский П.К., Новикова О.Г. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана №31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015; Дашковский П.К., Новикова О.Г. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 4

янлан, культуры маоцингоу, а также группы памятников таохунбала. В рамках сравнительно-исторического подхода Д.П. Шульга в целом достаточно обосновано приводит датировки по отдельным категориям вещевого комплекса, приводя аналогии из культур скифской эпохи Саяно-Алтая. При этом в данной главе приводится много описательно материала по расположению самих памятников указанных культур и общей их характеристике, что вполне можно было бы вынести в приложение к диссертации. С другой стороны, поскольку речь идет именно об археологических культурах, то логично было бы более подробно остановиться на классификации и типологии отдельных категорий предметного комплекса. Тем самым удалось бы систематизировать значительный массив артефактов, показать их культурную, социальную и хронологическую значимость. Кроме того, необходимо в определенной степени обобщить какие конкретные признаки являются наиболее характерными для погребального обряда (тип погребального сооружения, традиции ориентации и положения умершего в могиле и т.д.) культуры шацзин, культуры янлан, культуры маоцингоу, а также группы памятников таохунбала? В представленном варианте содержится много ценных данных по описанию конкретных погребений указанных культур, а не обобщающие (в т.ч. подтвержденные статистикой) выводы по погребальным обрядам их носителей.

Анализируя археологические материалы, отрывочные сведения письменных источников и приводя некоторые этнографические параллели, Д.П. Шульга вполне оправданно отмечает, что у значительной части носителей вышеуказанных культур Северного Китая в скифскую эпоху был представлен скотоводческий тип хозяйства. Особенно это хорошо прослеживается по результатам изучения материалов культуры янлан и маоцингоу.

Отдельное внимание соискатель уделил анализу политической организации кочевников Северного Китая. При этом данный аспект развития кочевников рассматривался сквозь призму цивилизационной парадигмы, в то время как методологической основой работы во введение провозглашен исторический материализм (марксизм). В данном случае уместно отметить, что цивилизационный подход в отечественной исторической науке в целом и в археологии в частности в конце 80-х гг. прошлого века как раз стал внедряться как альтернатива марксистскому подходу, рассматривающему развитие человечества через смену формаций. В рамках формационного марксистского подхода на протяжении нескольких десятилетий ученые пытались найти место для кочевых народов. В конечном итоге как альтернатива возникло мнение о возможности рассматривать кочевничество как отдельную кочевническую цивилизацию, что сначала нашло отражение в работах А.И. Мартынова (на что справедливо ссылается Д.П. Шульга), а

затем в работах других ученых⁷. В данном случае представляется уместным как раз в качестве центрального методологического фундамента автору было выбрать именно цивилизационный подход, а не марксизм, к которому он все равно приходит в своей работе.

Д.П. Шульга справедливо отмечает достаточно высокий экономический уровень развития кочевников Северная Китая, торговые контакты, наличие сложной иерархичной социальной системы, уровень политической интеграции. Все это не без основания дает ему основания рассматривать кочевые общества Северного Китая в качестве определенных государственных образований. Кроме того, соискатель отмечает, что такие политики были недолговечны и существовали всего несколько десятков лет «в условиях благоприятного климата» (с. 102). Действительно, физико-географическая среда оказывала серьезное влияние на все стороны жизнедеятельности кочевых обществ, хотя вряд ли климатический фактор был центральным в процессе политогенеза номадов. В данном случае было бы уместно пояснить и некоторые терминологические заключения. В частности, что понимается под термином «нестабильные формы государственности кочевников» (с. 107)? При этом возникает вопрос насколько оправданно использовать по отношению к кочевым народам скифской эпохи термины «царства» и «империи». Вопросы типологии политий, выделения, в т.ч. на археологическом материале, признаков организации власти у кочевников Евразии и т.п., достаточно обстоятельно разработаны в отечественной и зарубежной историографии⁸. Не останавливаясь подробно на этом моменте отметим только, что о таком типе организации номадов как империя более оправданно говорить применительно к обществам гунно-сарматского времени (хуннуско-сяньбийско-жужанского периода). В этой связи хунну рассматриваются учеными по сути дела как первый кочевой народ, создавший империю. Более подробно дефиниция «кочевая империя», проблемы типология и исторической динамики империй номадов представлены в работах Н.К. Крадина, С.А. Васютина, Г.Г. Пикова, С.Г. Кляшторного, Д.Г. Савинова и др.⁹.

Кроме того, автор справедливо указывает на торгово-экономические отношения между кочевниками Южной Сибири и населением Китая, Передней Азии, отмечая находки предметов импорта в элитных курганах

⁷ Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья первая: «Кочевая цивилизация» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2009 Т. 8. Вып. 1.; Крадин Н.Н. Кочевничество и теория цивилизаций // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2; и др.

⁸ Кроме упомянутых выше работ, можно также отметить такие: Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы, 2007; 2000.; Васютин С.А. Признаки властной иерархии ранних кочевников в археологических культурах аридной зоны Евразии эпохи РЖВ // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово, 2003; Di Cosmo N. State formation and periodization in Inner Asian history // Journal of World History. 1999. V. 10. №1. и др.

⁹ Краин Н.Н. Империя хунну. М., 2001; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М., 2006. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005; и др.

пазырыкской и каменной культуры. Однако при этом добавляет (с.102), что «многочисленные импортные изделия (в том числе лаковые чаши из Китая и «индийские» зеркала) появились..., но и в рядовых погребениях каменной культуры». В данном случае необходимо пояснить о каких конкретно рядовых погребениях указанной культуры идет речь? Насколько они все-таки «рядовые»? Или их можно отнести к памятникам т.н. региональной элиты, на наличие которой, например у «пазырыкцев» Алтая, а, возможно и у других кочевых обществ Саяно-Алтая скифской эпохи, указывают исследователи¹⁰. Насколько вообще многочисленны (!) импортные изделия, особенно, китайские лаковые предметы в рядовых курганах каменной культуры? Исходя из имеющихся данных относительно импорта в курганах скифской эпохи пазырыкской и каменной культур более оправданным представляется позиция, что такие предметы были именно у элиты, в т.ч. и региональной и практически не известны у рядовых кочевников. Другая ситуация наблюдалась, например, в последующий период в империи хунну. В данном случае китайский импорт получил уже действительно более широкое распространение среди разных социальных групп номадов¹¹.

Завершающая часть диссертации посвящена анализу произведений скифского звериного стиля, обнаруженных в памятниках Северного Китая. Правда в автореферате этот пункт, который в тексте диссертации представлен под номером 3.4., не актуализирован и отдельно не выделен, а фактически представлен слитно с параграфом 3.3. Соискатель подробно останавливается на стилистических особенностях изображения тигров, грифонов, орлов и некоторых других образов. Семантическая трактовка указанных образов справедливо представлена в русле структурно-семиотического подхода, а также реконструкций мировоззренческих представлений древних кочевников, проведенных С.И. Руденко, М.П. Грязновым, В.Д. Кубаревым, Н.В. Полосьмаке и рядом других ученых. Д.П. Шульга аргументированно проводит стилистические и семантические параллели с образами животных, зафиксированными на артефактах в Северном Китае и на предметах из курганов скифской эпохи Саяно-Алтая. Особую значимость имеет попытка автора выделить семь типов «грифонов» в произведениях искусства Северного Китая. Не менее значимо наблюдение Д.П. Шульги о совпадении образов грифона и лотоса в искусстве и верования кочевников Азии скифской эпохи (с. 136.).

Работа достаточно хорошо апробирована на различных всероссийских и международных конференциях. По теме диссертации соискателем опубликовано 19 работ. При этом важно отметить 7 публикаций в журналах,

¹⁰ Элита в истории древних и средневековых народов Алтая: кол. Монография под ред. П.К. Дашковского. Барнаул, 2005.

¹¹ Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.

входящих в перечень ВАК, а также 2 монографии. Содержание публикаций полностью соответствует тематике выбранной диссертации.

Несмотря на высказанные замечания, часть из которых носит дискуссионный характер, в целом отметим, что диссертация и соответствующий ей автореферат, подготовленные Шульгой Даниилом Петровичем, существенно обогащают археологическую науку новыми данными. Его работа соответствует требованиям п.9 Положения о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями от 21 апреля 2016 г. № 335), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Д.П. Шульга заслуживает присвоения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06. – Археология.

Доктор исторических наук,
заведующий кафедрой политической
истории, национальных и
государственно-конфессиональных
отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Дашковский Петр Константинович
89132278033, dashkovskiy@pm.asu.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ: началь
документационного обеспечения

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
НАЧ ОТДЕЛА ПО РСОР
УК МОКЕРОВА ЕВ

Против включения моих персональных данных в документы, связанные с рассмотрением диссертации Д.П. Шульги, не возражаю.

20 ноября 2018 г.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Алтайский государственный университет»
656049, г. Барнаул
пр. Ленина, 61
Тел. (3852) 291-291
e-mail: rector@asu.ru
www.asu.ru

Подпись Дашковского Петра Константиновича заверяю